

Религиоведение. 2022. № 2. С. 5–16.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 2. P. 5–16.

DOI: 10.22250/20728662_2022_2_5

Забияко А.П.

Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 107
sciencia@yandex.ru

Ранний символизм в верхнепалеолитических культурах левого бережья Амура

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процесса формирования раннего символического поведения на территории бассейна Верхнего и Среднего Амура. Эмпирическую основу исследования составляют археологически фиксируемые образцы мобильного искусства. Бассейн Амура, территории Верхнего и Среднего Амура с глубокой древности были включены в миграции человеческих популяций и культурные контакты. В Восточном Забайкалье образцы раннего символизма зафиксированы на археологическом памятнике Сухотино-4. Образцы раннего символизма представлены зооморфными фигурами, украшениями и другими изделиями. Важное место в истории формирования и развития верхнего палеолита в бассейне Амура занимает *селемджинская культура*. В *селемджинской культуре* образцы раннего символизма представлены каменными фигурами рыбы и медведя, а также «жезлом» с насечками. Фигура рыбы имеет сходство с формой фаллоса. Среди амурских верхнепалеолитических памятников особое положение занимает памятник Малые Куруктачи-1. В ходе раскопок памятника была найдена каменная скульптура медведя. Символические предметы связаны с религиозно-мифологическими представлениями и ритуальными практиками, которые относятся к зоолатрии, фаллическому культу и другим ранним формам религии. Возникновение символической деятельности и ранних форм религии являлось общей закономерностью эволюции человечества. Этот процесс шёл на всех освоенных человеком территориях. Древняя территория Верхнего и Среднего Амура не являлась исключением.

Ключевые слова: символизм, религия, верхний палеолит, бассейн реки Амур, мобильное искусство, зоолатрия, фаллический культ, медвежий культ

Andrey P. Zabiako

Amur State University
of. 107, bld. 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russia
sciencia@yandex.ru

Early Symbolism in the Upper Paleolithic Cultures of the Left Bank of the Amur River

Abstract. The article presents the results of a study of the process of formation of early symbolic behavior in the territory of the Upper and Middle Amur basin. The empirical basis of the study is archaeologically fixed samples of mobile art. The Amur basin, the territories of the Upper and Middle Amur have been included in the migration of human populations and cultural contacts since ancient times. In Eastern Transbaikalia, examples of early symbolism have been recorded at the Sukhotino-4 archaeological site. Samples of early symbolism are represented by zoomorphic figures, ornaments and other artifacts. The *Selemdzha culture* occupies an important place in the history of the formation and development of the Upper Paleolithic in the Amur basin. In the *Selemdzha culture*, samples of early symbolism are represented by stone figures of a fish and a bear, as well as a “baton”. The figure of the fish resembles the shape of the phallus. Among the Amur Upper Paleolithic sites, the Malyye Kuruktachi-1 site occupies a special position. During the excavation, a stone sculpture of a bear was found. Symbolic objects are associated with religious-mythological representations and ritual practices that are related to zoolatry, phallic cult and other early forms of religion. The emergence of symbolic activity and early forms of religion was a general pattern of human evolution. This process went on in all territories developed by man. The ancient territory of the Upper and Middle Amur was no exception.

Key words: symbolism, religion, Upper Paleolithic, Amur river basin, mobile art, zoolatry, phallic cult, bear cult

Введение

Амур – одна из крупнейших рек Евразии, образованная слиянием Шилки и Аргуни, его длина от истока Аргуни до впадения в Охотское море – почти 4,5 тыс. км. Крупнейшие притоки – Аргунь (1620 км), Шилка (560 км), Зея (1242 км), Буряя (623 км), Сунгари (1927 км), Уссури (897 км).

Верховья Амура лежат в Восточном Забайкалье, где протекают русла Шилки и Аргуни, от их слияния Верхний и Средний Амур простирается на восток, где после впадения Сунгари начинается его часть, именуемая Нижним Амуром. Основное русло реки разграничивает лево- и правобережьем Россию и Китай. Материалы статьи охватывают древнейшие культурные процессы левобережья. Развивавшиеся по сходному сценарию правобережные культуры заслуживают отдельного рассмотрения.

Целью статьи является, во-первых, установление археологических культур, в составе которых появляются первые признаки символизма и религии, во-вторых, фиксация археологических памятников, отмечающих место и время становления раннего символизма и ранних форм религии в бассейне Верхнего и Среднего Амура. Эмпирическую основу исследования составляют археологически фиксируемые образцы мобильного искусства.

Ландшафтно-климатические особенности региона

На протяжении последних 100 тыс. лет климат Верхнего и Среднего Приамурья неоднократно менялся. В поздний период плейстоцена сформировалось зырянское оледенение (около 90–55 тыс. л.н.). За зырянским оледенением следовал период каргинского межстадиала (55–23 (25) тыс. л.н.), когда климат, несмотря на его колебания внутри этого периода, стал значительно мягче. Арктическую тундру потеснили на север ерниковая тундра, травяная тундра, северная тайга [Лаухин, 2012]. Большие пространства северо-востока Евразии были покрыты густой травой и зарослями кустарников, здесь тысячелетиями существовали ландшафты саванного типа. Наступившее следом сартанское оледенение (около 23–12 тыс. л.н.) сформировало более сухой, холодный климат, способствовавший распространению тундр и лесотундр. Наиболее холодным был период ок. 20–18 тыс. л.н. Однако даже в это время значительная часть территории Приамурья не была покрыта сплошным панцирем льда. Ледники охватывали вершины северных хребтов, откуда их языки сползали в долины рек на несколько десятков километров. Остальная территория представляла собой тундростепи и лесостепи с достаточно развитой растительностью, где преобладали кустарники и березово-лиственничные леса [Короткий и др., 1997]. Влияние воздушных масс из акватории Тихого океана смягчало суровость климата. Отсутствие покровного оледенения и не очень холодный климат создавали в эпоху плейстоцена благоприятные условия для существования животного мира и людей.

Около 12 тыс. л.н. климат региона в период *аллерёдского* потепления примерно на тысячу лет смягчился; затем последовала фаза последнего похолодания, вслед за которой началось устойчивое, хотя и не без колебаний, повышение температур и влажности. Завершение плейстоцена относится ко времени около 10–8 тыс. л.н. С наступлением голоцена формируется современный климат.

Культурно-географические особенности региона

Бассейн Амура, Верхнее и Среднее Приамурье с глубокой древности были включены в миграции человеческих популяций и культурные контакты. Амур находится на стыке Северной, Восточной и Северо-Восточной Азии. «Через Зейско-Буреинское междуречье проходили пути миграций древнего населения Азии на Американский континент. Амур связывал обитателей Восточной Сибири и Приморья. Равнины к северу от Амура являлись своеобразным перекрёстком переселенческих путей и местом культурных контактов древних обитателей территорий современного Китая и Кореи и населения Северо-Восточной Азии» [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 3]. Реки Шилка и Аргунь, верхние притоки Амура, связывают территории Приамурья с Забайкальем, Монголией.

В некоторых сопредельных регионах задолго до заселения людьми берегов Амура начался процесс формирования человеческих популяций.

Освоение человеком Забайкалья началось достаточно рано. «Не вызывает сомнений тот факт, что заселение Забайкальского края происходило с южных сопредельных территорий, т.е. из Монголии и Китая. Этому весьма способствовали долины связующих регионы рек, таких как Аргунь, Онон, Менза. Новым является то, что время первоначального появления человека в изучаемом регионе стремительно удревняется. Даже при очень осторожном подходе его следует отнести к концу нижнего палеолита, обозначив хронологические параметры в пределах 300–200 тыс. л. н.» [Константинов и др., 2018, 9].

Ниже слияния Шилки и Аргуни наиболее ранние признаки присутствия человека находятся в бассейне Зеи. В 1961 г. экспедицией, которую возглавлял А.П. Окладников, на берегу р. Зея близ села Филимошки были обнаружены крупные гальки, имевшие следы обработки рукой человека. Для артефактов Филимошек предлагались даты около 350 тыс. л.н. Однако характеристика памятника, возраст орудий породили в научных кругах дискуссию. Стационарные исследования 1970, 1972–1973 гг. не внесли окончательную ясность. Условия залегания некоторых находок вне слоя, в свежей галечной осыпи на берегу, их малочисленность, ряд сложностей с определением геохронологии залегания орудий, а также затопление Филимошек Зейским водохранилищем не позволили дать полную информацию о памятнике и изготовивших орудия людях. Поставленная Филимошками проблема древнейших миграций на территориях Дальнего Востока и Сибири до сих пор окончательно не решена.

Орудиям Филимошек по ряду важных признаков близки артефакты местонахождения Усть-Ту, расположенного в среднем течении Зеи, на берегу в устье р. Ту [Деревянко, 2017, 132–133]. Ещё одна коллекция с галечной техникой изготовления орудий была собрана на Верхнем Амуре близ с. Кумары в 1957 г. Э.В. Шавкуновым. В 1968–1969 гг. на этой территории А.П. Деревянко было выявлено несколько местонахождений эпохи каменного века. На трёх из них обнаружены палеолитические орудия, на первом (Кумары I) изготовленные из галек мелкозернистого кварцита орудия по технике обработки и форме составляют единое целое с артефактами Филимошек и Усть-Ту. Комплекс примитивных галечных орудий Верхнего Амура и Зеи относится к числу древнейших на Дальнем Востоке и Сибири. Популяция носителей галечно-отщепной индустрии могла мигрировать из Приамурья в Якутию, где предположительно под этим влиянием возникают индустрии Диринг-Юрхя – памятника, на котором термолюминисцентные датировки горизонтов с древнейшими каменными изделиями располагаются в хронологическом интервале 366–267 тыс. л.н. Возможно, по речной сети бассейна Амура пролегли пути древнейших миграций людей, однако в науке пока ещё нет окончательного решения проблем раннего этапа распространения популяций и технологий на территориях северо-востока Евразии [Деревянко, 2017, 133, 140, 142].

К эпохе среднего палеолита (древнее 30 тыс. л.) относятся местонахождение Кумары II, а также ряд других местонахождений – Ходулиха (ранний комплекс), Буссе-Карьер, Бородинское озеро и т.д. [История, 2008, 13–16].

Памятник Кумары III, отличительными признаками которого являются пластинчатые технологии и техника двусторонней обработки (бифасы), относится к позднему палеолиту с датировкой в интервале 25–15 тыс. л.н. К финалу позднего палеолита принадлежит Ходулиха-II (датировка по 14C – 16480 л.н.) и ряд других памятников [История, 2008, 20–23; Кузьмин и др., 2011, 22].

Образцы раннего символизма в Восточном Забайкалье

В Восточном Забайкалье особенностями технокомплекса и присутствием образцов раннего символизма выделяется многослойное поселение Сухотино-4. Сухотино-4 находится в черте г. Читы на склоне Титовской сопки, на второй надпойменной террасе р. Ингода на высоте около 8–10 м над уровнем воды. Это один из наиболее важных позднепалеолитических памятников Восточной Сибири и Дальнего Востока.

На Сухотино-4 выявлено 18 культурных горизонтов, которые имеют по 14C датировку от 26260 до 11900 л.н. Основная часть горизонтов включала остатки округлой формы жилищ с очагами, в горизонтах 6–11 они присутствовали обязатель-

но, в некоторых случаях группами по 3, 5 или 9 строений. Одно- и многоочажные жилища представляли собой наземные сооружения, похожие на позднейшие чумы. В жилищах, а также на располагавшихся рядом рабочих площадках собрана большая коллекция изделий из камня, кости и скорлупы [Кириллов, 1973; Окладников, Кириллов, 1980]. Характеризуя технокомплекс Сухотино-4 как опорного памятника *сухотинской культуры*, М.В. Константинов отмечает: «На этом памятнике использовалась бифасиальная техника в сочетании с развитой микропластинчатой техникой, а вместе с тем с широким представительством орудий из отщепов и реже – пластин. На памятниках студёновской культуры также используются микропластины, отщепы и пластины, но почти нет бифасов» [Константинов, 2013, 10].

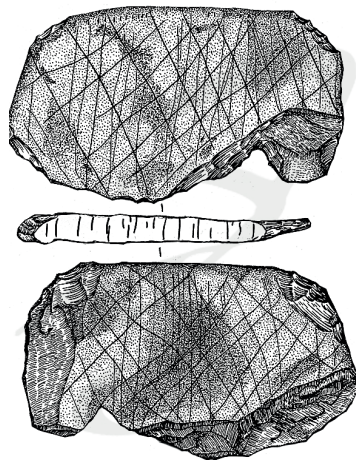
Орудия из бифасов, торцовые клиновидные нуклеусы, изготовленные из бифасов, – одна из важнейших особенностей восточнозабайкальского Сухотино-4. Бифасы индустрии Сухотино-4 находят полные аналогии в индустрии, первоначально выделенной для нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1 в Западном Забайкалье. «Почти полное совпадение бифасиальных орудий в индустриях двух местонахождений позволяет эти индустрии рассматривать как культурно близкие или аналогичные, что в свою очередь позволяет рассмотреть вопрос о территориальном распространении культуры и её взаимосвязях» [Ташак, Ковычев, 2020, 29].

На верхнепалеолитическом поселении Сухотино-4 археологами найдены многочисленные образцы символической деятельности [Окладников, Кириллов, 1980; Кириллов, Кириллов, 2011; Филатов, 2016, 12–29].

В слое 3, где представлены торцовые, клиновидные, гобийские микро-нуклеусы и бифасы, найдены фрагменты рёбер животных, орнаментированные штрихами и гравированными изображениями, в которых исследователи видят ритуальные образы или контуры жилищ-чумов. Культурные отложения этого слоя относятся к финалу плейстоцена – этапу аллерёд-бёллинг, 13–12 тыс. л.н. [Черенщиков, 1998, 96].

В слое 7 находилось скульптурное зооморфное изображение мамонта или быка (бизона), выполненное из каменной сланцевой плитки. Контуры фигуры оформлены ударной ретушью, а бока – штриховкой, которая воспроизводит длинную шерсть животного [Черенщиков, 1998, 70–71, 123] (Илл. 1). В этом же слое найдены личные украшения – изготовленные из яшмы и халцедона подвески, округлые бусы из скорлупы яиц страуса, а также орнаментированный стержень из рога. Стержень покрыт наклонными насечками, которые 12-ю рядами опоясывают его по всей длине; в каждом ряду 28–29 насечек. Количество рядов и насечек в каждом из них допускает интерпретацию рога в качестве лунного календаря. Орнаментированный рог – не единственное изделие такого рода. Найдены фрагменты сходных предметов, покрытых ритмическими группами насечек или округлых вдавлений, которые могли быть счётными единицами, фиксирующими астрономические или иные счисления [Кириллов, 1986, 146–147; Черенщиков, 1998, 124–126]. Системы счёта, как и предметы с символическими знаками, могли иметь как рационально-практическое, так и мифо-ритуальное назначение. Слой 7 датирован по кости временем 16810 ± 390 л.н. (Илл. 2–3).

В слое 8 рядом с жилищем 1 обнаружен очаг без каменной обкладки, поверхность которого была густо покрыта охрой; на краю очага находился окрашенный охрой миндалевидной формы большой камень, которому при помощи сколов была придана антропоморфная форма. Автор находки И.И. Кириллов полагал, что в исходном положении камень у края очага стоял вертикально, представляя нечто похожее на поздние тунгусские оберег-ментая. Вместе очаг и антропоморфный оберег составляли средоточие культового

Илл. 1. Зооморфное изображение из камня. Сухотино-4. По: Кириллов, Кириллов, 2011, 281.

места [Кириллов, 2003, 4–5]. «Собственно обнаружение подобной конструкции выступало свидетельством бытовавших у жителей посёлка довольно сложных магических обрядов, связанных с «освящением» и задабриванием (кормлением) духа-оберега, защитника данной общины. Вероятно, часть поделок малых форм – предметов из кости, рога, камня, украшенных орнаментом в виде врезных линий, скобочек, ямок или более сложным геометрическим узором, отнесённых к предметам искусства, также могла выполнять функции объектов сакрального предназначения» [Разгильдеева, 2020, 16]. Датировка по кости слоя 8 – 16870±700 л.н. [Черенщиков, 1998, 45]. В слоях 7–8 найдены также другие образцы раннего символизма.

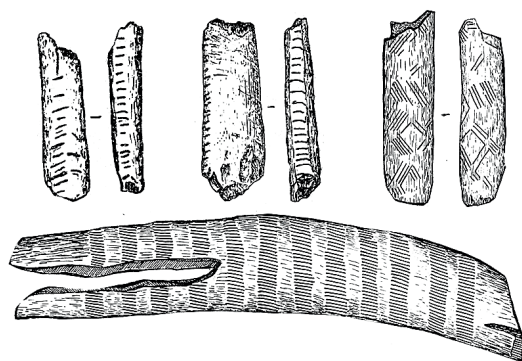
**Селемджинская культура:
предпосылки возникновения
раннего символизма**

Важнейшее место в истории формирования и развития верхнепалеолитических традиций Верхнего и Среднего Приамурья занимает селемджинская культура. В 1982–1988 гг. в нижнем течении Селемджи под руководством А.П. Деревянко были проведены в течение 7 лет масштабные археологические раскопки 14 местонахождений этой культуры (Абайкан, Баркасная Сопка I–IV, Усть-Ульма I–III, др.). Присущие *селемджинской культуре* приёмы расщепления камня, с одной стороны, сохраняют связь с более ранней галечной технологией, а с другой стороны, демонстрируют присутствие пластинчатой технологии.

Селемджинская культура прошла в своём развитии четыре этапа в хронологических границах: первый – 25–22 тыс. л.н., второй – 22–18 тыс. л.н., третий – 18–13 тыс. л.н., четвёртый – 13–10,5 тыс. л.н. Нижние пределы истории культуры соотнесены с появлением в Северной Азии микропластинчатой индустрии, верхние – с финальным периодом палеолита и переходным временем от палеолита к неолиту [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 4–15, 59; История, 2008, 19–26]. Радиоуглеродные датировки имеет Усть-Ульма I, слой 26, – 19 350 л.н. [Кузьмин и др., 2011, 22].

Население *селемджинской культуры* занималось собирательством, охотой и рыболовством, вело преимущественно кочевой образ жизни. Памятники *селемджинской культуры* есть не только на берегах Селемджи и Зеи, но и на Амуре (Ходулиха-II, Бибиково). При благоприятных обстоятельствах, когда в реках изобиловала рыба, а в речной пойме охота в достатке обеспечивала мясом, люди нередко подолгу проживали на относительно долговременных стоянках. На Селемдже при раскопках памятника Баркасная Сопка-III были выявлены признаки поселения [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 51].

За тысячи лет развития палеолитические селемджинские орудия труда совершенствовались, что открывало людям новые возможности адаптации к условиям жизни и общего роста культуры. Население долины Селемджи и примыкающих территорий постепенно росло. «Освоение новых источников питания, полное развитие ряда обрабатывающих отраслей способствовало, вероятно, не только значительному улучшению быта людей, но и росту численности населения, расширению возможностей для освоения огромных просторов севера и востока континента» [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 71]. На определённом этапе развития *селемджинской культуры* отсюда начинаются распространение технологий обработки камня и миграции населения в соседние регионы. Прослеживаются связи

Илл. 2. Костяные изделия с насечками и орнаментированный рог. Сухотино-4. По: Кириллов, Кириллов, 2011, 281.

Илл. 3. Орнаментированная кость. Сухотино-4. По: Кириллов, Кириллов, 2011, 168.

селемджинской культуры с археологическими памятниками северо-востока Евразии и Аляски.

«Заключительный этап позднепалеолитической селемджинской культуры мог быть временем существования некой “общины”, которая занимала, вероятно, определённую территорию и обеспечивала своё существование тем же образом, что и обитатели комплексов стоянок в Устиновке, Суворово (Восточное Приморье), Сиратаки (о. Хоккайдо), возможно, в Босон-Сомджин а Корею, а также некоторых позднепалеолитических комплексов Аляски» [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 101].

Эта «община» представляла собой архаическую общность – протоэтнос. За более чем десятилетия существования своего существования она менялась не только в технологиях обработки камня, но и в своей численности, границах распространения, приёмах адаптации к климатическим колебаниям, но её основной культурно-хозяйственный тип, уклад жизни длительное время сохранялся. Население *селемджинской культуры* относилось, по-видимому, к палеоазиатской группе монголоидной расы. Древнейшие популяции палеоазиатов, пройдя долгую историю развития и изменений, существуют в настоящее время. К палеоазиатам (северо-восточным палеоазиатам) среди современных народов востока Евразии относят чукчей, ительменов коряков, нивхов. Северо-восточным палеоазиатам близки тлинкиты и атапаски Северной Америки. Предки тлинкитов, атапасков и некоторых других групп североамериканских индейцев в эпоху палеолита пришли через покрытый льдами Берингов пролив из Евразии. Эскимосы, другая группа населения Северной Азии и Северной Америки, тоже имеет свою родину в Евразии. Нередко для обозначения этой большой группы народов используется понятие «арктическая раса».

На рубеже третьего и четвёртого этапа развития в *селемджинской культуре* появляются признаки кардинальных изменений в облике каменного инвентаря (увеличивается значение микропластинчатого расщепления, отжимного ретуширования и т.д.), возникает новое орудие – лук, о чём свидетельствуют наконечники стрел, возрастает роль рыболовства, совершенствуются навыки плетения природных волокон, появляется сеть. «...Четвёртый этап селемджинской культуры, протекавший 13–10,5 тысячи лет назад, можно назвать революционным. Главным итогом его является переход от палеолитической эпохи к неолитическому времени» [История, 2008, 26].

Селемджинская культура на поздних этапах развития демонстрирует устойчивый прогресс в совершенствовании орудий, связанных с охотой и рыболовством; изготовление орудий промысла и обработки добычи, разделки шкур, обработки дерева приобретает массовый характер, инструменты становятся более стандартизированными и технологичными в изготовлении [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 70]. Сокращающие объём трудозатрат на физическое выживание технологические достижения, успехи в адаптации к природным условиям, рост населения высвобождают людям время для досуга, открывают перспективу для переключения когнитивной деятельности с сугубо утилитарной на внеутилитарную. Человек получает возможность отвлечь мысль от рутины повседневных забот и тревог, переориентировать воображение на создание ассоциаций и образов, не связанных жёстко с прагматикой трудовых и бытовых реалий. Новые эффективные приёмы трудовой деятельности, совершенствование орудий труда и, как следствие, облегчение однообразного физического труда и увеличение доли свободного времени – важный фактор возникновения новых форм когнитивной деятельности, включая символическую деятельность.

Возрастание от этапа к этапу в инструментарии селемджинской культуры значения орудий охоты и рыболовства указывает на поступательные изменения в палеохозяйственной жизни населения. На этапе перехода к неолиту охота и рыболовство начинают «постепенно вытеснять собирательство, предположительно основной источник пропитания людей на более раннем этапе истории» [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 70]. В соответствии с этими процессами меняется рацион питания населения, в котором высококалорийная белковая пища играет всё более возрастающую роль. Увеличение доли мяса и рыбы в рационе питания способствует

под влиянием богатых белком, аминокислотами, холином, докозагексаеновой кислотой продуктов перспективным изменениям в деятельности мозга и психики. Так, докозагексаеновая кислота, содержащаяся преимущественно в животных жирах, особенно в рыбных жирах, и почти отсутствующая в растительных жирах, выполняет важную роль в формировании и поддержании деятельности мозговых центров, ответственных за память, внимание и ряд других когнитивных функций [Нетребенко, 2008]. Приготовленное на огне мясо обеспечивает человеческий организм за счёт белков и жиров гораздо большим количеством калорий, чем растительные продукты, что имеет важные социальные следствия – повышается темп деятельности и ускоряется динамика перехода от одного типа активности к другому. В итоге освобождается время для поиска новых когнитивных и поведенческих действий, расширяющих границы человеческого опыта.

Комплекс климатических изменений, прогрессивных сдвигов в палеоэкономике и качестве жизни людей обусловил возникновение в завершающей фазе плейстоцена, на рубеже перехода от палеолита к неолиту нового типа поведения – символической деятельности.

Образцы раннего символизма в селемджинской культуре

В *селемджинской культуре* образец раннего символизма представлен найденной на Баркасной сопке II фигуркой рыбы. Баркасная сопка II – памятник, расположенный на юго-западном склоне сопки Баркасной, спускающейся к берегу Селемджи; относится к типу мастерских по обработке камня. Фигурка обнаружена в первом культурном слое вместе с коллекцией каменного инвентаря, которая насчитывает 7101 экз. (нуклеусы и микронуклеусы, пластины и пластинки, скребки, тесловидно-скребловидные орудия, наконечник, т.д.). Этот слой относится к четвёртому этапу селемджинской культуры, датированному в интервале 13–10,5 тыс. л.н. Фигура длиной ок. 17 см выполнена из продолговатой гальки. С одной стороны, форма изделия передаёт очертания рыбы, с другой стороны, она близка к фаллообразной. Ихтиоморфный образ свидетельствует о значении водной среды и её обитателей в палеоэкономике и духовной жизни людей. Их сознание в условиях изменения климата и фауны охватывает силой воображения не только животный мир земной тверди, но и стихию воды, чья власть и щедрость открывают перед человеком новые измерения существования. Образ рыбы указывает на наличии религиозно-мифологических представлений о необыкновенных обитателях речных глубин и магических обрядах, связанных с рыболовством (Илл. 4).

Другим образцом селемджинского символизма является найденный на Баркасной сопке III в первом культурном слое каменный «жезл». В непосредственной близости от него залежали торцовый нуклеус, фрагменты гальки, а рядом – другие изделия. Вместе они образуют «комплекс с жезлом», вокруг которого расположены основные скопления других наиболее значимых артефактов Баркасной сопки III. Памятник расположен почти на вершине сопки Баркасной, на высоте около 64 м над урезом воды; относится к типу стоянки с относительно долговременным пребыванием людей. Продуваемая вершина сопки защищала от гнуса и обеспечивала хороший обзор, близость реки и долин создавали хорошие условия для ловли рыбы и охоты. Судя по тому, что в инвентаре высок удельный вес орудий, имеющих следы износа, – ножей, относящихся к разделке мяса и рыбы, а также резцов, скребков, долот, строгальных ножей, применявшихся для обработки кожи и дерева, люди сезонно проживали здесь в течение длительного времени, обеспечивая себя питанием и занимаясь выделкой, раскроем шкур [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 30 – 33].

Илл. 4. Каменная фигурка «рыбы». Баркасная сопка II, слой I. По: Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, рис. LXXVI.

Неутилитарный предмет попал в руки археологов в деформированном виде – сохранилась его часть, которая представляет собой фрагменты продолговатой гальки длиной от 7 до 2 см, на внешних сторонах которых нанесены насечки. Однозначно определить его семантику и функции сложно. На типичный «жезл начальника» (франц. *bâtons de commandement*) или «перфорированную дубинку» (франц. *bâton percé*) он не похож ни по виду, ни по материалу – такие «жезлы» изготавливались из кости. Знаки-насечки на «жезле» могли быть выполнены как в целях учёта сугубо утилитарных объектов или событий, так и счисления неутилитарных явлений – ритуальных сроков и т.п. Можно предполагать связь между «жезлом» как символом власти и некими социорелигиозными обрядами, которые люди отправляли в условиях охотничьего лагеря, – передачи властных функций, инициации и т.д. (Илл. 5).

Заметим, что оба предмета могут быть связаны с фаллическим культом. К фаллическому культу относятся религиозные верования и практики, основанные на почитании мужской репродуктивной силы, явленной в образе полового органа, фаллоса. Древнейшие признаки существования фаллического культа восходят в разных регионах Евразии к верхнему палеолиту, во многих культурах этой эпохи появляются графические или объёмные изображения фаллоса, а также мужских фигур с утрированным половым органом. Ихтиоморфные образы часто включают в себе семантику плодовитости, предкового родства с родовой общиной. В такой системе ассоциаций образ рыбы и образ фаллоса контаминируются в символе рыбы-первопредка. Почитание ихтиоморфного первопредка выступает разновидностью тотемизма и культа предков.

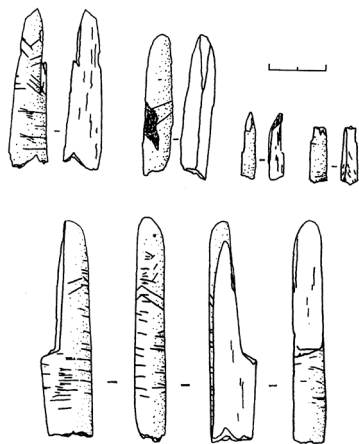
Не исключено, что в *селемджинской культуре* существовали представления об особой мужской детородной силе, воплощением которой выступали каменные предметы фаллической формы. Ритуальное почитание фаллоса входило составной частью в мужские культы. В таком ракурсе «жезл»-фаллос органично выписывается в символику мужского союза охотников – обитателей сезонной стоянки.

На Верхнем Амуре в ареале распространения памятников *селемджинской культуры* (Ходулиха II, Бибиково) Б.С. Сапуновым близ с. Буссе в 1993 г. было найдено скульптурное изображение медведя, изготовленное из камня красновато-коричневого цвета. Скульптуру сопровождали другие изделия – торцовые нуклеусы, нуклеусы параллельного и радиального расщепления, призматические пластины и т.д. Фигура размером 8,5 x 6,5 см с двух сторон оформлена крупными сколами с подправкой ретушью, с помощью чего умело обозначен массивный корпус животного. Образ медведя типичен для верхнепалеолитического искусства Евразии, он связан с медвежьим культом – акролатрией, одной из древнейших форм религии. У потомков древнейших палеоазиатов – чукчей, эскимосов, а также их соседей – эвенов, юкагиров, согласно наблюдениям В.Г. Богораз, были широко распространены мифологические представления о медведях, общей идеей которых выступало представление о человеческой природе этих животных и их родстве с людьми, в том числе в качестве предков [Богораз, 1939, 37]. Сходные религиозно-мифологические представления о медведях и наследие древней акролатрии в форме «медвежьего праздника» характерны для многих других народов северо-востока Евразии. (Илл. 6).

Не только *селемджинская культура* являет образцы раннего символизма.

Археологический памятник Малые Куруктачи: скульптура медведя

Среди амурских верхнепалеолитических местонахождений особое положение занимает памятник Малые Куруктачи-1, расположенный на ручье Малые Куруктачи (правый приток р. Бурея) в 15 км выше по течению от пос. Талакан.

Илл. 5. Фрагменты каменного жезла с насечками. Баркасная сопка III, слой I.

По: Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, рис. XCIX.

Памятник был открыт сотрудниками Бурейской археологической экспедиции (ИАиФ СО РАН) [Нестеров и др., 2000, 60–69]. Раскопки 1992–1994 гг., проведённые А.В. Табаревым, выявили на стоянке значительную коллекцию палеолитических артефактов и шесть кострищ. Памятник однослойный, находки принадлежат одной культуре. «Археологический материал представлен исключительно предметами каменной индустрии. Она сочетает использование технических приёмов позднего варианта галечной техники расщепления и традиционного для финального палеолита Дальнего Востока комплекса торцовой техники снятия микропластин и резцовой техники» [История, 2008, 17]. Микропластины сняты при помощи расщепления клиновидных нуклеусов, в коллекции представлены бифасы. Для Малых Куруктачей-1 получены по ¹⁴C датировки, наиболее показательная часть которых укладывается в интервал 13815–11355 л.н. [Нестеров и др., 2000, 60–69; Кузьмин и др., 2011, 22].

Материалы памятника Малые Куруктачи отражают существование на берегах Буреи позднепалеолитическая общности. Характерные для этой общности технологии обработки камня отличались от селемджинских традиций, однако тенденции духовного развития были сходными. В ходе раскопок в 30 см от края древнего кострища была обнаружена фигурка медведя. Изображение выполнено на отщепе полупрозрачного жёлто-бурого халцедона размером 3,6 x 1,9 см. «Древний мастер удачно скомбинировал свойства халцедона при расщеплении, естественный изъём (микротрещину) сырья и последовательность микроретуши. ... После скальвания отщеп контур был подправлен в районе головы, шеи, загривка, передней пары лап, брюха и задней части тела микроретушью, что окончательно подчеркнуло видовое сходство с определённым животным» [Табарев, 1995, 72] (Илл. 7).

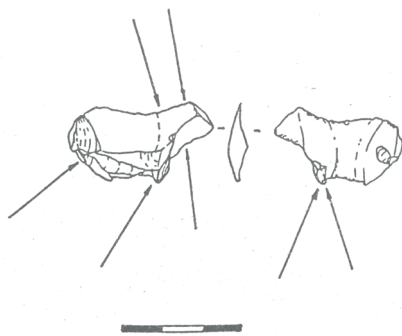
А.В. Табарев, вписывая находку в общий контекст древнейших культур, отмечает, что Дальнем Востоке, на Чукотке, в прибрежных районах Аляски неоднократно в ходе археологических исследований встречались изображения медведя, относящиеся к скульптуре малых форм. «Таким образом, гипотетически мы можем предположить, что в искусстве Северо-Востока Евразии и Северной Америки традиция изображения медведей средствами палеоглиптики имеет очень древние, по всей видимости, позднепалеолитические корни и сохраняется на протяжении многих тысячелетий при изготовлении амулетов, оберегов, талисманов и игрушек, теряя постепенно первоначально существующую связь с ритуально-мифологической средой палеоазиатского пласта» [Табарев, 1995, 72–73].

Заключение

Возникающие в верхнепалеолитических сообществах религиозно-мифологические представления и формы символического поведения существенно расширяли арсенал способов взаимодействия с миром, открывали новые возможности для реализации усложнившихся идей и переживаний, наконец, они создавали новые сильные стимулы коллективной мобилизации, позволяющие более успешно преодолевать трудности существования. На новом этапе развития внутреннего мира человека и организации коллективной деятельности религиозно-мифологические представления и символические практики стали ещё одним спо-

Илл. 6. Скульптурное изображение медведя. Село Буссе. Коллекция Музея археологии БГПУ им. проф. Б.С. Сапунова.

Илл. 7. Скульптурное изображение медведя. Малые Куруктачи. По: Табарев, 1995, рис. II, 233.

собою жизнеобеспечения, эффективно дополнив знания и навыки архаического человека из области материальной культуры.

Возникновение символической деятельности и ранних форм религии являлось общей закономерностью эволюции человечества, этот процесс шёл на всех освоенных человеком территориях, где формировались локальные особенности мифо-ритуальных традиций, обусловленные спецификой природной среды, форм социальной организации сообществ и антропологическими особенностями человеческих популяций. Древняя территория Верхнего и Среднего Приамурья не являлась исключением.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408.

Acknowledgement

The study is supported by the RFBR grant, project No. 20-011-00408.

Библиографический список

1. Богораз, В.Г. Чукчи. Т. II. Религия / В.Г. Богораз. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 196 с.
2. Деревянко, А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии / А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 884 с.
3. Деревянко, А.П. Селемджинская верхнепалеолитическая культура / А.П. Деревянко, П.В. Волков, Ли Хонджон. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
4. Забияко, А.П. Палеоамурские народы: опыт реконструкции древней этнической истории на территории Верхнего и Среднего Амура / А.П. Забияко // Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Сборник статей. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2017. – С. 377–395.
5. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во РИО, 2008. – 424 с.
6. Кириллов, И.И. Палеолитические стоянки Сохатино (Титовская Сопка) / И.И. Кириллов. // Вопросы краеведения Забайкалья. Вып. 1. – Чита, [б.и.], 1973. – С. 168–183.
7. Кириллов, И.И. Новые данные о поселении древнекаменного века Сухотино-4 из Восточного Забайкалья / И.И. Кириллов // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО РАН, 1986. – С. 143–147.
8. Кириллов, И.И. Сухотино / И.И. Кириллов, О.И. Кириллов // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 280–282.
9. Константинов, М.В. Археология Забайкальского края: верхний палеолит / М.В. Константинов // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 3. – С. 10–12.
10. Константинов, М.В. Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий / М.В. Константинов, Г.С. Васильев, Е.А. Филатов [и др.] // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – № 1. – Т. 14. – С. 9–19.
11. Короткий, А.М. Климатические смены на территории юга Дальнего Востока в позднем плейстоцене – голоцене / А.М. Короткий, Т.А. Гребенникова, В.С. Пушкарь [и др.] // Вестник ДВО РАН. – 1997. – № 3. – С. 121–143.
12. Кузьмин, Я.В. Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: материалы к каталогу 14С дат (по состоянию на конец 2010 г.) / Я.В. Кузьмин, Л.А. Орлова, В.Н. Зенин [и др.] // STRATUM plus. Культурная антропология и археология. – 2011. – № 1. – С. 171–202.
13. Лаухин, С.А. Современное состояние реконструкций природной среды на севере Сибири в каргинское время (поздний плейстоцен) / С.А. Лаухин, В.С. Пушкарь, В.М. Черепанова // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. – 2012. – Т. 87. – Вып. 6. – С. 37–48.
14. Нестеров, С.П. Древности Бурей / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин [и др.]. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 352 с.
15. Нестребенко, О.К. Влияние питания на развитие мозга / О.К. Нестребенко // Педиатрия. – 2008. – Т. 87. – № 3. – С. 96–103.
16. Окладников, А.П. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы / А.П. Окладников, И.И. Кириллов. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1980. – 177 с.

17. Табаров А.В. Исследование палеолитического памятника Малые Куруктачи в Амурской области / А.В. Табаров // Традиционная культура востока Азии: археология и культурная антропология / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ин-т, 1995. – С. 70–75.
18. Ташак, В.И. Бифасальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Западное Забайкалье) / В.И. Ташак, Е.В. Ковычев. // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 3. – С. 9–31.
19. Филатов, Е.А. Сухотинский георхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского георхеологического комплекса / Е.А. Филатов. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 44 с.
20. Черенщиков, О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.Ю. Черенщиков. – Чита, 1998. – 215 с.

Текст поступил в редакцию 29.11.2021.

Принят к публикации 17.01.2022.

Опубликован 23.06.2022.

References

1. Bogoraz V.G. *Chukchi. T. II. Religiya* [Chukchi. Vol. II. Religion]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1939, 196 p. (in Russian).
2. Cherenchchikov O.Yu. *Nizhnij kompleks mnogoslojnogo poseleniya Suhotino-4 i ego mesto v verhnem paleolite Severnoj Azii: dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The Lower Complex of the Multilayer Settlement of Sukhotino-4 and Its Place in the Upper Paleolithic of Northern Asia: PhD Thesis in History]. Chita, 1998, 215 p. (in Russian).
3. Derevyanko A.P. *Tri global'nye migracii cheloveka v Evrazii. T. II. Pervonachal'noe zaselenie chelovekom Severnoj, Central'noj i Srednej Azii* [Three Global Human Migrations in Eurasia. Vol. II. Initial Human Settlement of North, Central and Central Asia]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017, 884 p. (in Russian).
4. Derevyanko A.P., Volkov P.V., Lee Heonjong. *Selemdzhinskaya verhnepaleoliticheskaya kul'tura* [The Selemdzha Upper Paleolithic Culture]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998, 336 p. (in Russian).
5. Filatov E.A. *Suhotinskij georheologicheskij kompleks: nauchnyj putevoditel' po paleoliticheskim pamyatnikam Suhotinskogo georheologicheskogo kompleksa* [Sukhotinsky Georarchaeological Complex: A Scientific Guide to the Paleolithic Monuments of the Sukhotinsky Georarchaeological Complex]. Chita: ZabGU, 2016, 44 p. (in Russian).
6. *Istoriya Amurskoi oblasti s drebneishikh vremen do nachaha XX veka* [The History of the Amur Region from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Eds. A.P. Derevyanko, A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: RIO Publ., 2008, 424 p. (in Russian).
7. Kirillov I.I. *Pamyatniki drevnih kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Ancient Cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii SO RAN, 1986, pp. 143–147 (in Russian).
8. Kirillov I.I. *Voprosy kraevedeniya Zabajkal'ya. Vyp. 1* [Questions of local history of Transbaikalia. Issue 1]. Chita, 1973, pp. 168–183 (in Russian).
9. Kirillov I.I., Kirillov O.I. *Malaya enciklopediya Zabajkal'ya. Arheologiya* [Small Encyclopedia of Transbaikalia. Archaeology]. Novosibirsk: Nauka, 2011, pp. 280–282 (in Russian).
10. Konstantinov M.V. *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian Vector]. 2013, no. 3, pp. 10–12 (in Russian).
11. Konstantinov M.V., Vasil'ev G.S., Filatov E.A., et al. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018, no. 1, vol. 14, pp. 9–19 (in Russian).
12. Korotkij A.M., Grebennikova T.A., Pushkar' B.C., et al. *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of FEB RAS]. 1997, no. 3, pp. 121–143 (in Russian).
13. Kuz'min Ya.V., Orlova L.A., Zenin V.N., et al. *STRATUM plus. Kul'turnaya antropologiya i arheologiya* [STRATUM Plus. Cultural Anthropology and Archaeology]. 2011, no. 1, pp. 171–202 (in Russian).
14. Lauhin S.A., Pushkar' V.S., Cherepanova V.M. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelej prirody. Otdel geologicheskij* [Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Geological Department]. 2012, vol. 87, no. 6, pp. 37–48 (in Russian).
15. Nesterov S.P., Grebenschchikov A.V., Alkin S.V., et al. *Drevnosti Burei* [Antiquities of Bureya]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2000, 352 p. (in Russian).
16. Netrebenko O.K. *Pediatriya* [Pediatrics]. 2008, vol. 87, no. 3, pp. 96–103 (in Russian).
17. Okladnikov A. P., Kirillov I.I. *Yugo-Vostochnoe Zabajkal'e v epohu kamnya i rannej bronzy* [South-Eastern Transbaikalia in the Stone and Early Bronze Ages]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otd-nie, 1980, 177 p. (in Russian).
18. Tabarev A.V. *Tradicionnaya kul'tura vostoka Azii: arheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Traditional Culture of the East of Asia: Archeology and Cultural Anthropology]. Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk. gos. ped. in-t, 1995, pp. 70–75 (in Russian).

19. Tashak V.I., Kovychev E.V. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2020, vol. 16, no. 3, pp. 9–31 (in Russian).
20. Zabyako A.P. *Arheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda. Sbornik statej* [Archeology CIRCUM-PACIFIC: in memory of I.Ya. Shevkomud. Collection of articles]. Vladivostok: Tihookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2017, pp. 377–395 (in Russian).

Submitted for publication: November 29, 2021.

Accepted for publication: January 17, 2022.

Published: June 23, 2022.